

Россия, США и противодействие наркотрафику из Афганистана

В отличие от Центральной Азии, где Россия располагает серьезным влиянием, ее возможности напрямую воздействовать на ситуацию внутри Афганистана — источника поступления героина на российский рынок — ограничены

Екатерина Степанова

В 2014 году операция НАТО в Афганистане в ее нынешнем виде будет завершена. Среди вероятных последствий вывода большей части американских войск — усиление нестабильности внутри и вокруг Афганистана. В этой связи особое беспокойство в России вызывает угроза роста производства и экспорта афганских наркотиков, прежде всего героина. За годы, прошедшие с начала XXI века, то есть за период, когда ответственность за безопасность в Афганистане взяли на себя силы США и НАТО, масштабы афганской наркоэкономики значительно выросли по сравнению с предыдущим десятилетием. Вполне вероятно, что в ближайшие годы роль наркотиков в политэкономии Афганистана станет еще больше, чем сейчас.

Между тем с конца 2012 года в российско-американских отношениях (и в целом в отношениях между Россией и Западом) наступило очередное охлаждение; политика перезагрузки, объявленная в 2009-м при президенте Дмитрие Медведеве, практически сошла на нет. Однако, вопреки ожиданиям, это лишь незначительно сказалось на сотрудничестве США и России по Афганистану. Как бы ни портились отношения, обе страны, по всей видимости, исходят из того, что есть определенный нижний порог, который нельзя переступать. Возможно, именно это подталкивает

стороны к тому, чтобы сосредоточиться на взаимодействии по тем немногим проблемам международной безопасности, которые представляют взаимный — и более широкий, международный — интерес: от противоракетной обороны до проблем Ирана, Сирии и Афганистана.

В отличие от Центральной Азии, где Россия располагает серьезным влиянием, в частности, в сфере безопасности, внутри самого Афганистана — источника поступления героина на российский рынок — Россия практически не имеет возможности воздействовать на ситуацию. Поэтому Москва заинтересована в сотрудничестве с любым афганским правительством, которое придет на смену правительству Хамида Карзая, а значит, и с США, которые и после 2014 года, по крайней мере в среднесрочной перспективе, останутся основным донором афганского правительства, а также важнейшим игроком в области безопасности в Афганистане.

Афганская опиийная экономика и фактор США и НАТО до и после 2014 года

Хотя дальнейший рост наркопроизводства в Афганистане после 2014-го весьма вероятен, вывод сил США и НАТО из Афганистана едва ли обернется для России обвальным увеличением масштабов наркотрафика. Иными

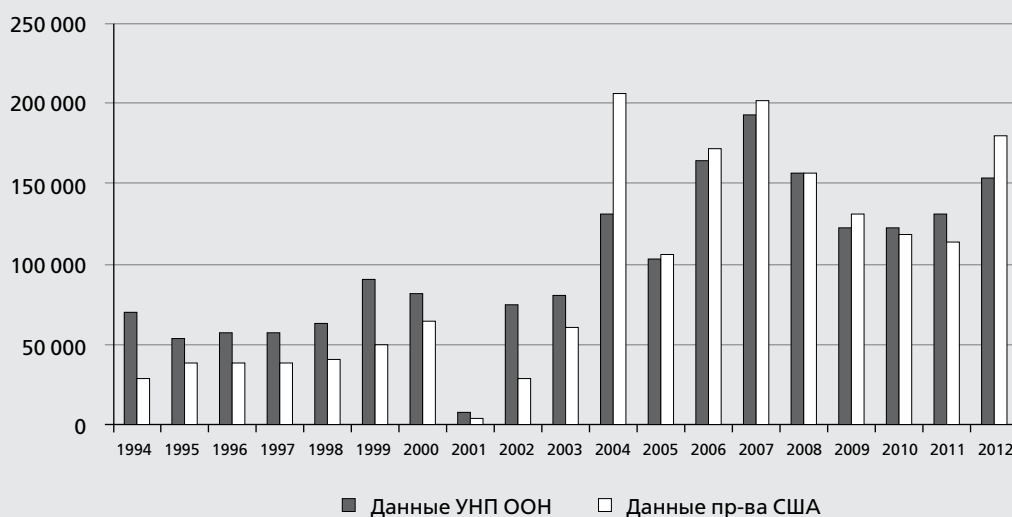
словами, после 2014 года не следует ожидать катастрофы, но лишь потому, что она уже произошла: речь идет о «ползучей» катастрофе, связанной с резким ростом афганской опийной экономики и наркотрафика из Афганистана по «северному пути» — через Центральную Азию. Пик ее пришелся на начало XXI века, то есть на период присутствия в Афганистане военных контингентов США и НАТО.

Этот период, особенно начиная с 2004-го, сопровождался огромным ростом наркопроизводства в Афганистане. Следует отметить, что в 2001 году — как раз накануне иностранной интервенции во главе с США — площадь маковых посевов в Афганистане сократилась на беспрецедентные 91 проц. в результате запрета на выращивание мака, объявленного правительством талибов в предыдущем, 2000-м. Тогда, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), площадь маковых полей упала до 8000 га¹, а

по данным правительства США, использующего иную методику оценки площадей наркопосевов, даже ниже — до 1685 га (см. рисунок 1 на с. 103). В результате вооруженной интервенции конца 2001-го во главе с США развалился и режим талибов, и сложившаяся при них система контроля над производством наркотиков². После 2001 года росту опийной экономики в Афганистане способствовали три основных фактора. Во-первых, за первое десятилетие XXI века в Афганистане не были созданы устойчивые экономические альтернативы, которые могли бы служить источниками денежного дохода — как в национальном масштабе, так и в районах, где преимущественно выращивается опийный мак. Во-вторых, сформированная после разгрома талибов система административной и политической власти в Афганистане в целом функционирует слабо, сильно коррумпирована, а отдельные ее элементы и лояльные ей силы и группировки связаны с наркоэконо-

Рисунок 1

КУЛЬТИВАЦИЯ ОПИЙНОГО МАКА В АФГАНИСТАНЕ, ГЕКТАРЫ, 1994–2012 ГОДЫ

Источник: Данные УНП ООН (Afghanistan: Opium Survey 2012. — Vienna: UNODC, May 2013); Данные правительства США (International Narcotics Control Strategy Reports).

микой не менее тесно, чем наркоторговцы или повстанцы. Наконец, при некоторой стабилизации обстановки в отдельных районах страны, ситуация в области безопасности остается тяжелой; в частности, с середины 2000-х продолжается противостояние между вооруженной оппозицией во главе с талибами, с одной стороны, и афганскими правительственными силами при поддержке контингентов США и НАТО — с другой.

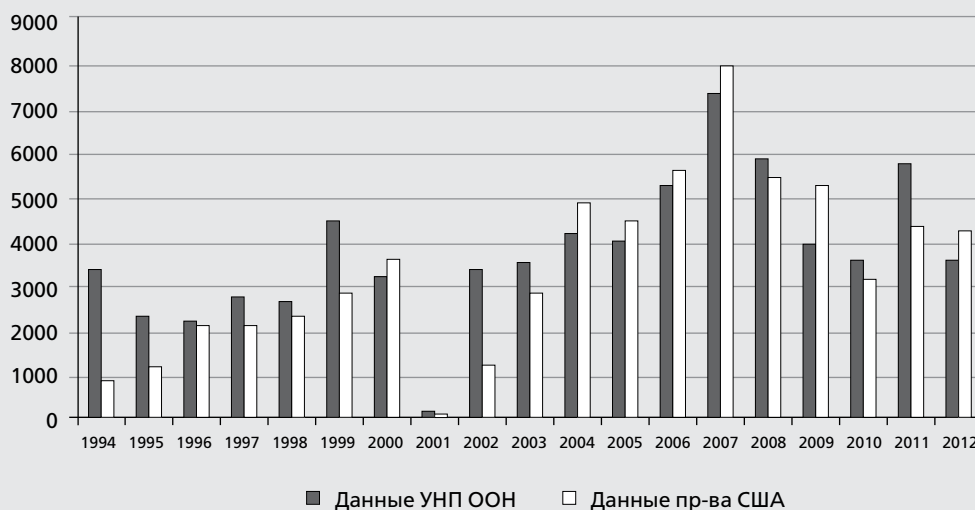
В этих условиях в 2000-е культивация опийного мака в Афганистане достигла своего исторического пика. По данным УНП ООН, пик пришелся на 2007 год, когда площадь маковых посевов выросла до 193 тыс. га. Это в 24 раза больше, чем в 2001-м (последний год фактического правления движения Талибан), когда действовал жесткий запрет на культивацию мака (2001 год). По американским данным, в два пиковых года — 2004 и 2007 — под опийный мак в Афганистане была отведена даже большая площадь (соответ-

ственно, 206 700 и 202 000 га), что в 120–122 раза (!) больше, чем в 2001-м (см. рисунок 1 на с. 103). В 2012 году площадь маковых посевов, по данным УНП ООН, в 19 раз превышала ту, которая имела в стране на момент начала интервенции США и их союзников осенью 2001-го, по данным правительства США, площадь маковых посевов в 2012 году, по сравнению с 2001-м, увеличилась в 22,5 раза³.

Вопреки утверждениям, что наркотики из Афганистана являются общей угрозой для всего международного сообщества, в действительности афганские опиаты напрямую угрожают далеко не всем государствам, по тем или иным причинам озабоченным ситуацией в этой стране. Даже для двух крупнейших конечных рынков сбыта афганских опиатов — европейских стран и России — масштаб афганской наркоугрозы не одинаков. По данным УНП ООН, объем западноевропейского рынка составляет около 20 млрд

Рисунок 2

ПРОИЗВОДСТВО ОПИЯ В АФГАНИСТАНЕ, ТОННЫ, 1994–2012 ГОДЫ

Источник: Данные УНП ООН (Afghanistan: Opium Survey 2012. — Vienna: UNODC, May 2013); Данные правительства США (International Narcotics Control Strategy Reports)

дол. в год, а рынка стран Таможенного союза (прежде всего России и Казахстана) — до 13 млрд дол. в год ⁴. Однако если на российском рынке тяжелых наркотиков доминирует афганский героин, то на более диверсифицированных европейских наркорынках потребление опиатов стабилизировалось. Более насущными угрозами стал растущий приток кокаина из Южной и Центральной Америки, в том числе через Западную Африку, а также всплеск потребления синтетических нарко-

Такая система приоритетов определяла выбор Соединенными Штатами конкретных антинаркотических стратегий и мер для их осуществления в Афганистане. Так, американская администрация отказывалась от массированного уничтожения посевов мака, особенно путем распыления химикатов с воздуха, не только оттого, что оно было слабо осуществимо с технической точки зрения, но и оттого, что подобные действия могли спровоцировать протесты со стороны населения

“В конце 2000-х США начали уделять больше внимания проблеме наркотиков, но лишь как одному из основных источников финансирования вооруженной оппозиции”.

тиков и легальных химических препаратов, в частности, новых психоактивных веществ. Соединенным Штатам афганские опиаты напрямую не угрожают: по разным оценкам, лишь от 3 до 5–6 проц. продаваемого в США героина имеет афганское происхождение ⁵. Для США на протяжении всего периода размещения в Афганистане американских вооруженных сил основной угрозой оставался терроризм и повстанческая активность. Именно оттого, что для Вашингтона безусловным приоритетом были вопросы, связанные с обеспечением безопасности, стабилизацией ситуации и операциями против повстанцев, США упорно отказывались включить борьбу с наркотиками в число своих основных задач в Афганистане; для американского правительства она оставалась сугубо второстепенной. В конце 2000-х США начали уделять больше внимания проблеме наркотиков, но исключительно как одному из основных источников финансирования вооруженной оппозиции (активизация повстанческого движения во главе с талибами финансировалась в том числе за счет сборов с культивации мака и торговли наркотиками).

и вызвать недовольство крестьян в наркопроизводящих районах. В то же время слишком жесткие и масштабные операции по перехвату наркотиков ударили бы в первую очередь по наркоторговцам, а не по крестьянам, а это грозило испортить отношения сил США/НАТО с дружественными или нейтральными полевыми командирами, а также с близкими к правительству кланами, которые наживаются на наркотиках не меньше, чем наркоторговцы или повстанцы. Это объясняет отличие стратегии США в Афганистане от их действий в Колумбии, которая является одним из главных поставщиков наркотиков непосредственно на американский рынок. Если в Колумбии американская администрация делает упор на массированное уничтожение наркопосевов, то в Афганистане она поддерживает меры по развитию альтернативного сельскохозяйственного производства в сочетании с выборочными операциями по перехвату наркотиков, причем исключительно против тех группировок, которые связаны с повстанцами ⁶.

По данным УНП ООН и оценкам Российско-американской экспертной группы по афганскому наркотрафику, доход афган-

ских талибов от налогов на урожай мака и, частично, на торговлю опиумом (см. примечание 2) в подконтрольных им районах составляет от 140 до 170 млн дол. в год ⁷, тогда как, например, доходы афганских наркоторговцев в 2011–2012 годах составили около 1,2 млрд долларов ⁸. Иными словами, на долю повстанцев приходится лишь 6,5–7 проц. (см. рисунок 3 на с. 107) от совокупного дохода всех афганских бенефициаров опийной экономики (который в 2011-м достиг 2,6 млрд

с наркотиками. Так, США были и остаются основным финансовым донором антинаркотических мер афганского правительства, хотя эта деятельность и не является для американцев приоритетной. Помимо прямых военных расходов, за период американского присутствия в Афганистане США дополнительно выделили 82 млрд дол. на нужды восстановления афганской экономики, государственных институтов и сектора безопасности. Из этих средств 7,5 проц. (6,15 млрд

“Приток афганских опиатов будет расти — как в соседние страны, так и на основные конечные рынки сбыта: России и, в какой-то мере, Европы и Китая”.

дол., а в 2012-м — 2 млрд дол.) ⁹ и менее 0,3 проц. от общего объема глобальной торговли афганскими опиатами, который оценивается в 60 млрд долларов ¹⁰. Талибы контролируют лишь ограниченный сегмент торговли опиатами, в основном на юге Афганистана и граничащих с ним районах Пакистана. Кроме того, у них есть и другие источники финансирования (исламские налоги на собственность и на легальную экономическую деятельность, сборы с контрабандной торговли драгоценными камнями и древесиной вдоль афгано-пакистанской границы и пожертвования от сторонников в странах Персидского залива и в Пакистане) ¹¹. При этом США и НАТО, чья стратегия направлена в первую очередь на борьбу с повстанцами, пытаются ограничить «борьбу с наркотиками» лишь теми наркоторговцами, которые «предоставляют повстанцам материальную помощь», что никак не способствует реальному сокращению масштабов афганской наркоэкономики.

Хотя внимание США (и в меньшей степени НАТО) сосредоточилось лишь на небольшом — и не основном — сегменте афганского наркобизнеса, нельзя сказать, что они не предпринимают никаких усилий по борьбе

с наркотиками ¹² (выборочное уничтожение посевов, операции по перехвату наркотиков, поддержка афганского министерства по борьбе с наркотиками и антинаркотической полиции и т. д.). Это в 2,5 раза больше, чем США потратили на гуманитарную помощь Афганистану (2,4 млрд дол.), но в 8,3 раза меньше, чем расходы на укрепление безопасности (51,15 млрд долларов). Кроме того, в 2004–2011 годах США потратили около 330 млн дол. непосредственно из средств американского военного бюджета на ряд мероприятий и программ, направленных на противодействие наркотикам. Выделенная Соединенными Штатами помощь по социально-экономическому развитию и налаживанию системы государственного управления в Афганистане (22,39 млрд дол.) также теоретически должна была способствовать повышению эффективности афганского государства и созданию источников денежного дохода (в том числе за счет распространения альтернативных сельскохозяйственных культур), которые могли бы заменить доходы от наркотиков ¹³. (Подробнее об этом см. в следующем разделе.)

Однако факт остается фактом: за всю историю наркопроизводства в Афганистане самый значительный рост наблюдался в первое десятилетие XXI века, то есть в тот период, когда силы США и НАТО взяли на себя ответственность — конечно, не за борьбу с наркотиками или сокращение афганской наркоэкономики, но за поддержание безопасности и стабильности в постталибском Афганистане. В целом, если фактор США и НАТО, включая поддержку усилий по борьбе с наркотиками, несколько оживившуюся в начале 2010-х, и оказал какое-то влияние на динамику афганской наркоэкономики, это влияние было косвенным и опосредованным. Точнее всего было бы описать его так: военное присутствие США и НАТО в Афганистане послужило главным катализатором роста повстанческой активности и эскалации вооруженного конфликта в этой стране. Продолжающееся вооруженное противостояние, в свою очередь, препятствует

установлению в Афганистане более эффективной государственной власти. В отсутствие же сколько-нибудь эффективного государственного управления невозможно вести действенную борьбу с наркотиками.

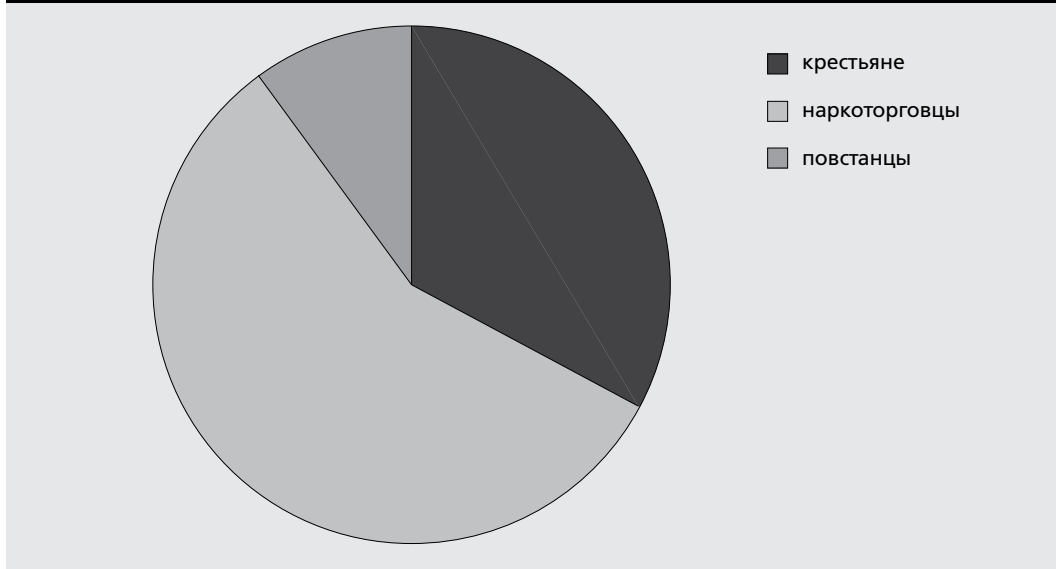
В остальном как военное присутствие США и НАТО в Афганистане, так и его значительное сокращение имели и имеют лишь ограниченное влияние на развитие афганской опиумной экономики.

Факторы роста наркоэкономики в Афганистане после 2014 года

Есть основания полагать, что в ближайшие годы приток афганских опиатов будет расти — как в соседние страны, так и на основные конечные рынки сбыта: России и, в какой-то мере, Европы и Китая. Если сосредоточиться на новых факторах, которые могут увеличить приток афганских опиатов в Россию по «северному пути», то из них только два имеют отношение собственно

Рисунок 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ ОТ ПРОИЗВОДСТВА И ТОРГОВЛИ ОПИАТАМИ ВНУТРИ АФГАНИСТАНА, 2012 (МЛН ДОЛЛАРОВ)

Источник: The Global Afghan Opiate Trade: A Threat Assessment (UNODC), Afghanistan: Opium Survey (UNODC, 2012); Afghan Narcotrafficking: A Joint Threat Assessment (2013).

к Афганистану, в том числе один к выводу оттуда сил США и НАТО (еще два фактора связаны, собственно, с наркотрафиком по «северному пути» через страны Центральной Азии, и о них речь пойдет ниже).

Первый, наиболее значительный фактор риска формируется на юге Афганистана, то есть в районах, которые играют центральную роль в опиийной экономике и на которые приходится 69 проц. всего производства опиатов в Афганистане. Когда в 2014 году

Однако новые земли, введенные в сельхозоборот, использовались крестьянами и землевладельцами для выращивания пшеницы и других легальных сельскохозяйственных культур только до тех пор, пока продолжали действовать зарубежные программы поддержки альтернативного сельскохозяйственного производства. Эти программы включали в себя предоставление удобрений, семян и даже микрокредитов и осуществлялись, как правило, в зонах, находившихся под

“Движение Талибан в свое время доказало на практике, что способно гарантировать соблюдение жесткого запрета на выращивание мака”.

кампания США и НАТО в Афганистане в ее нынешнем виде завершится, иностранные войска будут выведены, а контроль афганских властей в основных наркопроизводящих провинциях на юге страны — и без того слабый — ослабнет еще более. Это неизбежно приведет к значительному сокращению иностранных, прежде всего западных, программ по внедрению в этих районах наркозамещающих сельскохозяйственных культур и зарубежной помощи по социально-экономическому развитию. Такие программы, осуществляемые в южных провинциях страны (например, создание так называемых «продовольственных зон» в крупнейшей наркопроизводящей провинции Гильменд, на которую приходится до половины всех маковых посевов в стране), позволили расширить площади пригодных для возделывания земель в этих районах, в том числе благодаря орошению полупустынных и пустынных земель. Освоению и культивированию новых земель на юге способствовало и внедрение новых технологий: от солнечных батарей для выработки электроэнергии (что позволяет, среди прочего, копать более глубокие колодцы) до гербицидов.

относительным контролем иностранных и правительственных сил. За пределами аграрной сферы в Афганистане не существует устойчивых источников денежного дохода, которые могли бы сохраняться без внешней поддержки. Поэтому, когда помощь в сфере сельского хозяйства и в целом в области социально-экономического развития в этих районах сокращается, а государство слабеет, крестьяне вынужденно переориентируют большую часть пригодных для культивации земель (теперь уже на расширенных площадях) на выращивание опиийного мака¹⁴. Так, в районе к северу от канала Богра в Гильменде площадь пригодных для возделывания земель за последние годы возросла в 46 раз, а площадь выращивания опиийного мака — на 113 процентов¹⁵.

На фоне вывода войск США и НАТО повстанцы консолидируют собственный контроль в этих районах и налаживают относительно функциональную и менее коррумпированную систему законности и порядка. Теоретически можно было бы предположить, что, при определенных условиях, талибам удастся хотя бы отчасти воспроизвести успешный запрет на культивацию

мака, который они ввели в 2000 году. Это предположение не кажется невероятным: как отмечалось выше, движение Талибан не является главным бенефициаром наркопроизводства и наркоторговли в Афганистане и в свое время доказало на практике, что способно (например, при сочетании международного давления с перспективой снятия санкций) гарантировать соблюдение жесткого запрета на выращивание мака. Однако подобные надежды практически рассеялись — по крайней мере, на данный момент. Хотя талибы и способны наладить более или менее функциональную систему управления на юге страны, в ближайшем будущем они будут стремиться избегать шагов, которые рискуют восстановить против них крестьян, включая и тех, кто выращивает мак. Те же, в свою очередь, неизбежно расширят площади маковых посевов и увеличат производство опия, поскольку альтернативные источники дохода отсутствуют, внешняя помощь сокращается, а при этом площади, пригодные для обработки земли, обширны как никогда. Это, впрочем, не означает, что вопрос закрыт и не может быть поставлен перед талибами в будущем. Проблема контроля над наркотиками может стать частью повестки дня в ходе переговоров с талибами или может быть поднята позднее, через посредников или иными способами. Понятно, что такое развитие событий возможно, когда и если повстанческое движение или его часть будет в той или иной степени интегрировано в некую более децентрализованную систему раздела власти в Афганистане, в рамках внутриафганского процесса национального примирения. Этот процесс может занять годы.

Проблема поставок афганского героина для дальнейшего транзита по «северному пути» не сводится лишь к югу Афганистана, где продолжается вооруженный конфликт. Применительно к «северному пути» второй внутриафганский фактор риска связан с

возобновлением выращивания опийного мака на севере и особенно северо-востоке Афганистана — в регионах, где культивация мака традиционно низка, но где процветает переработка опия и производство героина. Примерно половина героина, который идет по «северному» пути, поставляется напрямую с юга Афганистана; вторая половина (то есть около 45 тонн героина в год) производится в северном Афганистане, в основном в северо-восточной провинции Бадахшан¹⁶, из местного опийного сырья или (после того как местная культивация почти сошла на нет в условиях общенационального перепроизводства опия в конце 2000-х) из скопившихся запасов опия. После того как эти запасы были исчерпаны, удовлетворить потребность местных нарколабораторий в опийном сырье можно было только за счет возврата к выращиванию мака на северо-востоке/севере страны, что и произошло в 2011–2012 годы¹⁷. Развитию наркоторговли на севере Афганистана также способствует крайне низкий уровень перехвата героина (лишь 5 проц. от всего изымаемого в стране)¹⁸ по сравнению с тем объемом, который проходит по «северному пути».

Трафик афганских опиатов как угроза безопасности России

Для России приток афганских наркотиков — и прежде всего героина — масштабная угроза общественной безопасности. Прямой ущерб, который эта угроза наносит непосредственно жизни и здоровью российского населения, перевешивает все остальные проблемы, связанные с Афганистаном.

Хотя на «северный путь» афганского наркотрафика приходится лишь 25 проц. всего экспорта героина из Афганистана, или около 90 тонн (см. рисунок 4 на с. 111), и 15 проц. экспорта опия (35–40 тонн), более 80 проц. героина, который идет через Центральную Азию в конечном счете попадает именно

на российский рынок¹⁹. При этом дело не просто в объеме как таковом, а в структуре и конечном назначении наркопотоков, идущих по «северному пути». Если в 1990-е Россия играла роль и развивающегося рынка сбыта, и транзитной страны для афганских опиатов, то в 2000-е она уже стала сама потреблять практически весь поступающий героин — в объемах, сравнимых с общим объемом потребления героина во всей Европе²⁰.

Такая трансформация произошла под воздействием ряда факторов и прежде всего

штабов «героиновой катастрофы» именно в те годы, когда контроль за безопасностью в Афганистане осуществлялся силами США и НАТО. При этом Москва столкнулась с тем, что к задаче сокращения масштабов афганской опиийной экономики западные игроки проявляли подчеркнутое равнодушие. В результате в России распространилось представление, что подъем опиийного производства чуть ли не обусловлен военным присутствием США и НАТО в постталибском Афганистане. Такое представление хотя и

“Российская сторона все эти годы выступала за более жесткие и массированные меры и, прежде всего, за масштабное уничтожение наркопосевов с воздуха”.

благодаря формированию относительно доступных цен на афганский героин на российском рынке. Среди причин — перепроизводство опиатов в постталибском Афганистане, отсутствие нормально охраняемых границ вдоль «северного пути» наркотрафика, а также экономический подъем в самой России на протяжении большей части 2000-х годов: рост благосостояния россиян сделал героин доступным для более широких слоев населения. На героине сидят до 68 проц. российских наркоманов (1,7 млн из 2,5 млн человек)²¹. Афганский героин лидирует с большим отрывом среди потребляемых в России тяжелых наркотиков: российский рынок героина оценивается в 6 млрд дол., причем второй по объему — рынок гашиша (1,5 млрд дол.) — также в основном афганского происхождения²². По оценкам Совета Безопасности РФ, общий ущерб экономике России от негативных последствий потребления наркотиков эквивалентен 3–5 проц. ВВП (что сопоставимо с расходами российского бюджета на здравоохранение)²³.

Как отмечалось выше, проблема афганского наркотрафика достигла в России мас-

некорректно — как показано выше, фактор США и НАТО лишь ограниченно и скорее косвенно повлиял на ситуацию с наркотиками в Афганистане, — но, тем не менее, вполне объяснимо.

Самим США, как уже было сказано, афганские наркотики не угрожают, а приоритетными для США и НАТО в Афганистане являлись вопросы борьбы с терроризмом и общей стабилизации ситуации. Этим объясняется то, что когда в конце 2000-х США все же начали уделять некоторое внимание проблеме афганских опиатов, они сосредоточились на иных аспектах борьбы с наркотиками, чем те, на которых настаивала Россия. Несмотря на ряд сходных черт между антинаркотическими стратегиями США и России (в частности, обе несут достаточно милитаризованный характер и в большей степени ориентированы на борьбу с предложением наркотиков, чем со спросом на них), в Афганистане США сделали выбор в пользу сочетания мягких мер по внедрению в отдельных районах наркозамещающих культур — с разовыми силовыми операциями против отдельных торговцев и объектов наркоинфраструктуры (прежде

всего, тех, которые, по их мнению, связаны с повстанцами).

Российская же сторона все эти годы выступала за гораздо более жесткие и масштабные меры и, прежде всего, за масштабное уничтожение наркопосевов с воздуха, активизацию операций по перехвату наркотиков и систематическое разрушение нарколабораторий силами афганского правительства, США и НАТО. Изначально призывы России к участию США и НАТО в масштабном уничтожении посевов мака были мало реалистичны и носили, скорее, декларативный характер. Однако постепенно в России, в том числе на уровне руководства страны, стали осознавать всю серьезность наркоугрозы для российского общества и рассматривать ее как один из главных вызовов национальной безопасности. Кроме того, вырос уровень специализации и профессионализма российской системы по противодействию наркотикам. В результате позиция Москвы в

отношении афганской наркопроблемы стала меняться и приобрела более комплексный и реалистичный характер.

Россия, в отличие от ее западных партнеров, не «связана» присутствием вооруженных сил в Афганистане, а значит, и соответствующими ограничениями: России не нужно обеспечивать лояльность или нейтралитет группировок, местных лидеров и полевых командиров, в том числе тех, кто может быть прямо или косвенно связан с торговлей наркотиками. Поэтому неудивительно, что, наряду с УНП ООН, Россия раньше, чем западные страны, признала, что наркобизнес в Афганистане связан с военно-политическими игроками всех видов и мастей, включая коррумпированных чиновников и полевых командиров, лояльных правительству или даже связанных с ним, а не только с повстанцами. Последние хотя и используют сборы с производства и, частично, торговли наркотиками для самофинансирования, тем не менее,

Рисунок 4

Источник: UNODC World Drug Report 2011.

по оценке директора Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктора Иванова, являются относительно «миноритарным производителем»²⁴.

В последние годы Россия также выступает за интегрированную стратегию по контролю над наркотиками и противодействию им в Афганистане. Такой подход подразумевает сочетание жестких мер полицейско-силового характера (перехват, уничтожение лабораторий и посевов) с мерами в области соци-

может указывать как на ослабление способности большинства центральноазиатских стран противодействовать трафику и рост связанной с наркотиками коррупции, так и на возможное наличие в регионе больших запасов наркотиков, чем предполагалось ранее.

Очевидно также, что борьба с наркотиками в странах Центральной Азии сильно отстает от новых возможностей наркоторговцев, которые им предоставляет экономическое развитие региона, такие как рост товарооборота и

“После 2014-го года основным внешним игроком в области безопасности в Афганистане по-прежнему останутся США, теперь уже на двусторонней основе”.

ально-экономического развития, которые не ограничиваются внедрением наркозамещающих культур и нацелены на создание долгосрочной альтернативы опиийной экономике. Российские власти осознают, что афганская наркоэкономика имеет глубокие корни и что для ее сокращения требуется устойчивая международная поддержка социально-экономического развития Афганистана²⁵.

В условиях предстоящего в 2014-м вывода сил США и НАТО упомянутые выше факторы риска, связанные с ростом наркопроизводства в самом Афганистане, усугубляются новыми — возникающими непосредственно вдоль маршрутов транзита наркотиков через страны Центральной Азии. Масштабный, но в последние годы стабильный приток героина, поступающего на территорию России по «северному пути» (70–75 тонн в год), резко контрастирует со значительно сократившимся уровнем перехвата наркотиков в Центральной Азии. Если в 2002–2006 годах в регионе в среднем изымалось пять тонн афганского героина, то в 2007–2011 годах — не более трех тонн²⁶. Только в 2010-м изъятия опиума в регионе сократились на 36 проц., а героина — на 25 процентов²⁷. Это

расширение трансрегиональной транспортной инфраструктуры, а также возникновение зон свободной торговли в результате присоединения Казахстана к Таможенному Союзу с Россией и Беларуссией.

С учетом всех этих рисков, при наилучшем сценарии поток афганских наркотиков, поступающих в Россию по «северному пути», в ближайшие годы несколько возрастет, а затем вновь стабилизируется на чуть более высоком уровне. При наихудшем сценарии — значительном росте объема наркотиков, поступающих в Россию из Афганистана через страны Центральной Азии, — нельзя исключить переориентации части наркопотоков с основного пути транзита афганских опиатов в Европу (традиционного, так называемого балканского, пути) на «северный путь» через Центральную Азию. В таком случае Россия может вновь стать транзитной страной для афганского героина.

В этих условиях рост наркопотоков из Афганистана через Центральную Азию становится главной опасностью, угрожающей России в связи с развитием ситуации в Афганистане в ближайшие годы. Если вероятный всплеск террористической активно-

сти и риск дестабилизации напрямую касается в основном сопредельных с Афганистаном стран, а Россию затрагивает, скорее, в контексте ее интересов в Центральной Азии, то в «афганской» политике России большее место должны занимать вопросы, связанные с ограничением масштабов наркоэкономики. При этом обе задачи определяют глубокую заинтересованность России в упрочении безопасности и повышении эффективности государственного управления в Афганистане. В отсутствие эффективной и легитимной государственной власти, в том числе на местах, ни силовые, ни социально-экономические меры по борьбе с наркотиками, ни оптимальное сочетание и тех и других не приведут к долгосрочному успеху.

Россия—США: возможности противодействия афганским наркотикам

Россия активно борется с героиновой проблемой на собственной территории, хотя ей предстоит еще многое сделать, особенно в области сокращения спроса на наркотики. Кроме того, предпринимаются меры по противодействию наркотрафику через Центральную Азию как в рамках двустороннего взаимодействия, так и на уровне Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), сотрудничества с УНП ООН в регионе и т. д. Однако достичь заметного сокращения объема наркотиков, попадающих на российский рынок по «северному пути», вряд ли удастся до тех пор, пока проблема не будет систематически решаться в самом Афганистане. При этом политические, экономические и иные возможности России в Афганистане ограничены не только по сравнению с США и их западными союзниками, но и по сравнению с основными региональными державами — соседями Афганистана (Пакистан, Иран, Китай и Индия).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА УГРОЗ С одной стороны, перспектива свертывания западных контингентов в Афганистане уже стимулировала активизацию России в Центральной Азии по линии безопасности и экономики. С другой стороны, даже такая масштабная и прямая наркоугроза, в силу ряда объективных и субъективных ограничений, вряд ли заставит Россию существенно увеличить собственную роль в Афганистане. Так как Россия не может позволить себе прямое вмешательство, она вынуждена полагаться на те национальные и многосторонние силы и возможности по борьбе с наркотиками, которые существуют внутри Афганистана, в том числе на афганские структуры безопасности и правительство (независимо от характера правящей коалиции после выборов 2014 года). При этом и после 2014-го основным внешним игроком в области безопасности в Афганистане останутся США, теперь уже на двусторонней основе. В этих условиях Россия крайне заинтересована в том, чтобы американская финансовая, организационная, техническая и иная помощь афганским властям в борьбе с наркотиками не только продолжалась, но и расширялась.

Вопрос в том, насколько это нужно и возможно для Вашингтона, особенно в условиях вывода американских войск из Афганистана и острого бюджетного кризиса в самих Соединенных Штатах, требующего сокращения государственных расходов. Хотя у США гораздо меньше стимулов для противодействия афганским наркотикам, чем у России, было бы неверно считать, что для США такая угроза отсутствует вовсе. Скорее, России и Соединенным Штатам угрожают — в разной степени — разные аспекты афганского наркотрафика. Если для России речь идет о прямом ущербе жизни и здоровью населения от афганских наркотиков (героина и, в меньшей степени, гашиша), доминирующих на российском рынке, то для США, в случае

продолжения или обострения вооруженного противостояния в Афганистане после 2014 года, проблема наркотиков как «ресурса конфликта» также обострится. Нельзя сбрасывать со счетов и тесную связь наркотиков с коррупцией, которая подрывает даже минимальную дееспособность государственной власти в Афганистане. В целях политико-пропагандистского обеспечения вывода американских войск США необходимо создать в Афганистане хотя бы видимость жизнеспособной системы управления, но кроме того, американское правительство заинтересовано в том, чтобы сохранить и постепенно укреплять базовую функциональность афганских властей после 2014-го. То, в каком состоянии США оставляют Афганистан в целом и афганское государство, в частности, не может не сказаться на общестратегических позициях США в этом важном для них регионе — особенно в глазах ключевых региональных держав. В свою очередь, для США и их западных союзников сотрудничество с Россией по Афганистану имеет большое значение в связи с предстоящим выводом военного контингента и транзитом грузов через ее территорию. Вашингтон заинтересован во взаимодействии с Москвой и по ряду других международных проблем, не имеющих отношения к Афганистану, — например, по иранской ядерной проблеме или конфликту в Сирии, а это значит, что Соединенным Штатам следует в большей мере учитывать интересы России, в особенности если речь идет о таких масштабных и прямых угрозах ее безопасности, как наркотрафик из Афганистана.

ОБЩИЕ ОЗАБОЧЕННОСТИ И СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ При всех различиях в характере и степени угроз, связанных с афганской наркоэкономикой, чем более транснациональный характер носит тот или иной аспект афганского наркотрафика, тем больше общего в подходах России и США к

этой проблеме. Это создает определенную основу для российско-американского сотрудничества на более широком международном уровне, в том числе в рамках двусторонних инициатив.

Во-первых, наркотрафик является одним из наиболее прибыльных и разветвленных видов транснациональной преступности, а значительная часть мирового незаконного оборота наркотиков приходится на опиаты и злоупотребление опиоидами (рецептурными препаратами на основе опиатов). И Россия, и США являются крупными рынками потребления опиатов, хотя они и поступают из разных регионов (в Россию из Афганистана, а в США — преимущественно из Колумбии и Мексики, наряду с кокаином). И Россия, и США заинтересованы как в укреплении международного сотрудничества по контролю за наркотиками в целом, так и в конкретных, скоординированных усилиях по сокращению глобального рынка опиатов, в частности. Еще одна естественная форма сотрудничества диктуется тем, что США имеют обширный и длительный опыт в области сокращения спроса на наркотики, а Россия все еще сильно отстает в этом от развитых стран мира.

Во-вторых, наркотрафик, в том числе торговля афганскими опиатами, теснейшим образом связан и с другими видами транснациональной преступности, например с торговлей оружием, и стимулирует, финансирует или усугубляет их. Наиболее тесно наркотрафик связан с отмыванием денег. Основное производство опиатов и других наркотиков растительного происхождения жестко привязано к нескольким крупным районам. Даже более мобильная и гибкая наркоторговля, особенно на стадии транзита из наркопроизводящей страны в соседние и сопредельные страны, в основном осуществляется по определенным «магистральным» направлениям нелегального транзита. В отличие от них, деятельность по отмыванию наркодоходов

может осуществляться и далеко за пределами основных районов производства, транзитных стран и даже конечных рынков наркотиков. Она поистине транснациональна, придает наркотрафику глобальный размах и притягивается не только к офшорам, но и к ведущим региональным или глобальным финансовым центрам. Так, ни Соединенные Штаты, ни, например, ОАЭ не входят в число основных рынков потребления афганского героина. Однако, как показало расследование сложной цепочки отмыwania доходов от наркотиков афганского происхождения, связанной с валютно-обменной сетью “*New Ansari Money Exchange*”²⁸, когда такие средства попадают в международную финансовую систему, они могут всплыть где угодно, в том числе в самих США или там, где это напрямую затрагивает интересы США. В этом контексте и США, и Россия равно заинтересованы в том, чтобы проблема отмыwania наркодоходов привлекала больше внимания и чтобы взаимодействие в этой области было более активным. Сотрудничество в сфере противодействия отмыванию наркодоходов также могло бы — хотя бы отчасти — выровнять дисбаланс антинаркотической политики, который характерен для стран-потребителей наркотиков. Этот дисбаланс — когда больший упор делается на ограничение предложения (из стран-поставщиков наркотиков), чем на контроль над спросом на наркотики на собственных внутренних рынках — присутствует и в антинаркотических стратегиях США и России, хотя и в разной степени.

В-третьих, связи между наркотрафиком, коррупцией и низкой эффективностью властей Афганистана носят системный характер и выходят за пределы страны, подрывая безопасность и разжывая системы государственного управления в регионах, представляющих стратегический интерес для России и США. Распространение подобных транснациональных преступно-коррупционных

сетей не менее опасно, чем традиционные связи между наркотрафиком и различными видами вооруженного насилия — от чисто криминального до террористического — которые в той или иной степени угрожают обеим странам.

Заключение

Вывод сил США и НАТО из Афганистана к концу 2014 года, пусть и не полный, будет иметь — и уже имеет — неоднозначные последствия как для самого Афганистана, так и для более широкого региона. С одной стороны, в долгосрочном плане вывод иностранных военных контингентов открывает возможность, хотя пока и зыбкую, для начала процесса внутриафганского национального примирения. С другой стороны, в краткосрочном плане он может иметь дополнительный дестабилизирующий эффект в условиях и без того нестабильной обстановки внутри Афганистана и вдоль его границ. При этом как военное присутствие США и НАТО в Афганистане в целом не оказало никакого, даже косвенного, сдерживающего влияния на рост афганской наркоэкономики, так и сокращение этого присутствия почти до минимального не приведет к ее катастрофическому расширению.

Несмотря на тенденцию, особенно среди западных экспертов и политиков, объединять Афганистан и Центральную Азию чуть ли не в один регион, в том числе с точки зрения развития ситуации после 2014-го, для России это два принципиально разных региона. У России в Афганистане и Центральной Азии разные интересы, разные возможности и разный уровень присутствия; различаются также и противоречия или, напротив, возможности взаимодействия с США и их западными союзниками в этих двух регионах.

Хотя Россия поддержала операцию США и их союзников в Афганистане, тем не менее значительная часть российского политиче-

ского и военного руководства подозревала, что затаившееся западное военное присутствие представляет собой закамуфлированное «проецирование силы» в регионе, частично или даже в значительной мере нацеленное на то, чтобы стать противосилом России (и Китая) в Центральной Азии. Примерно в том же духе порой рассматривается и обозначившаяся в последние годы заинтересованность США, по мере сокращения их операций в Афганистане, в сохранении и даже некотором расширении своего «вспомогательного» и «транзитного» присутствия в Центральной Азии. В таких условиях отдельные мероприятия и инициативы, предпринимаемые США в Центральной Азии под флагом борьбы с наркотиками, особенно если они напрямую финансируются из американского военного бюджета, вызывают мало энтузиазма у российской стороны и нередко интерпретируются как «прикрытие» иных целей и задач США в регионе. В ситуации стратегического соперничества, в частности, между ОДКБ и НАТО, которые разве что формально признают существование друг друга, но дальше этого дело не идет, трудно ожидать активного российско-американского взаимодействия в антинаркотической сфере именно в Центральной Азии.

В том же, что касается ситуации внутри Афганистана, где российские возможности и влияние минимальны или весьма ограничены, Россия вынуждена опираться на любые дееспособные структуры как на государственном уровне, так и на уровне иностранного экономического и военного присутствия. Поэтому в афганском контексте Россия крайне заинтересована во взаимодействии с США как с ключевым внешним игроком в области безопасности, а также в том, чтобы помощь США в борьбе с наркотиками в регионе была сосредоточена именно на Афганистане.

В целом, несмотря на сегодняшние геополитические реалии, в том, что касается сило-

вых, социально-экономических и большинства других аспектов антинаркотической деятельности, усилия, возможности и ресурсы США и России не противоречат друг другу, а скорее объективно друг друга дополняют. Это диктует своеобразное неформальное «разделение труда» между США и Россией в области антинаркотической деятельности и оказания помощи по борьбе с наркотиками афганского происхождения. И такое разделение труда отчасти уже намечается на практике.

По крайней мере, у России есть все основания настаивать на том, чтобы США не просто продолжали оказывать, а желательно, и увеличили помощь Афганистану, направленную на борьбу с наркотиками и социально-экономическое развитие. В определенном смысле это можно рассматривать как «компенсацию» за тот масштабный ущерб, который приток относительно дешевого афганского героина, резко увеличившийся в 2000-е, нанес безопасности России, а также за издержки, связанные с нестабильностью, которая грозит усилиться в условиях вывода западных сил из Афганистана.

В этом смысле хорошим знаком является постепенное сближение подходов России и США к афганской наркопроблеме; обе стороны признают, что у них нет какого-то одного «технического» решения, а значит, необходима комплексная антинаркотическая стратегия. Такая стратегия должна включать силовой аспект (подготовку местного персонала, гарантирование «чистого» финансирования антинаркотических структур, по крайней мере, на ближайшие годы, помощь в ликвидации нарколабораторий и т. д.); социально-экономические меры (от внедрения альтернативных культур до программ развития); меры в области национально-государственного строительства и политического урегулирования. Постепенно укрепляется представление, что в национальном масштабе восстановление и развитие экономики

Афганистана (рост промышленности, добычи и переработки природных ресурсов и сферы услуг), в том числе с участием таких игроков, как Китай, Индия, Иран и др., может стать даже более эффективной и долгосрочной альтернативой опиийной экономике, чем узкая стратегия наркозамещения в отдельных районах, ориентированная только на сельское хозяйство.

Россия, в свою очередь, может и должна сосредоточиться, во-первых, на организации и координации региональных усилий по противодействию транзиту афганских опиатов через Центральную Азию. Эта работа ведется уже сейчас, в том числе в форме конкретных операций под эгидой ОДКБ (таких как «Канал» и «Гром-2012») и во взаимодействии с УНП ООН и созданным под его эгидой Центральноазиатским региональным информационным и координационным центром (ЦАРИКЦ), который пока еще недостаточно проявил себя. В центре российских инициатив должно быть более масштабное содействие центральноазиатским партнерам в борьбе с наркотиками, а также стимулирование пока еще слабо развитого регионального сотрудничества по этой проблеме, особенно в части пограничного и таможенного контроля. Давно назрела необходимость в разработке комплексной стратегии российской помощи социально-экономическому развитию стран региона, особенно в свете возможного расширения Таможенного союза²⁹. Такая стратегия должна предусматривать меры, направленные не только на борьбу с наркотрафиком и угрозами, которые с ним связаны, но и на решение проблем нелегаль-

ной трудовой миграции. Во-вторых, России, в том числе в сотрудничестве с Казахстаном, следует сосредоточиться на укреплении собственного потенциала как в области полицейских операций по борьбе с наркотиками и усилению пограничного и таможенного контроля, так и в сфере сокращения внутреннего спроса на наркотики.

Такое неформальное «разделение труда» по линии Афганистан — Центральная Азия отнюдь не исключает совместных, скоординированных или, по крайней мере, не противоречащих друг другу действий России и США в афгано-центральноазиатском контексте. Такие действия предпринимаются уже сегодня: примером может служить подготовка в России афганских, пакистанских и центральноазиатских специалистов по борьбе с наркотиками в рамках специальной программы Совета Россия—НАТО или поддержка со стороны США и Агентства по контролю за наркотиками Таджикистана центра связи с афганскими коллегами в городе Талокане на территории Афганистана. Было бы также неплохо, если бы США, например, обусловили предоставление Таджикистану и Узбекистану части оставшихся от афганской компании вооружений и техники (на что в обеих странах очень рассчитывают) определенными обязательствами по более активному противодействию наркотрафику. России также не помешало бы хотя бы частично увязать наращивание помощи партнерам по ОДКБ (Таджикистану и Киргизии) в области безопасности и экономического развития с необходимостью усилить меры по борьбе с транзитом афганских наркотиков. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Afghanistan Opium Survey 2008. Vienna, UNODC, 2008. P. 7.

² Основы опиийной экономики в Афганистане сложились до периода фактического правления талибов (1996–2001 годы). Придя к власти, талибы сначала ввели в ряде районов налоги с культивирования мака (исламский налог с урожая — ушр) и, реже, с торговли опиумом, однако с первых лет правления предпринимали попытки ограничить выращивание мака. Среди причин последней из таких попыток — запрета на культивацию мака от 2000 года — сочетание религиозного императива с рыночной конъюнктурой и экономическими факторами, в том числе наличием у талибов альтернативных источников дохода. Прежде всего такими источниками служили сборы с региональной контрабандной торговли (особенно с Пакистаном) другими, в том числе легальными, товарами; в отдельные годы они втрое превышали сборы с производства наркотиков. Одним из факторов могло быть также стремление талибов добиться смягчения международных санкций. Запрет 2000 года оказался беспрецедентно успешным, благодаря тому что в годы своего правления талибы сумели наладить базовую функциональность государственной власти, что позволило — с помощью жестких мер — воплотить в жизнь принятое решение. Подробнее см.: *Степанова Е.А.* Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь мир, 2005. С. 65–76 (http://www.imemo.ru/df/publ/2005/drug%20business_35-94.pdf).

³ Площадь маковых посевов в 2012 году составила, соответственно, 154 тыс. га (по данным УНП ООН) или 180 тыс. га (по данным США). Afghanistan: Opium Survey 2012 / UN Office on Drugs and Crime (UNODC); Islamic Republic of Afghanistan Ministry of Counter Narcotics. Vienna: UNODC, May 2013. P. 9, 11; International Narcotics Control Strategy Report 2013. V. I: Drug and Chemical Control. Wash. D.C.: U.S. Department of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs, 2013. P. 83.

⁴ См.: World Drug Report 2010. Vienna: UNODC, 2010; <http://www.unodc.org/unodc/en/drug-trafficking/index.html>.

⁵ Report of the International Narcotics Control Board for 2011. N.Y.: United Nations, 2012; Afghan Narcotraficking: A Joint Threat Assessment / Report by Joint U.S.-Russia Working Group on the Afghan

Narcotraficking / *E. Stepanova* (Principal Author) et al. / J. Miller (ed.) N.Y.: EastWest Institute, 2013. P. 13.

⁶ *Shanker T., Bumiller E.* U.S. Shifts Afghan Narcotics Strategy // New York Times. 2009. July 23.

⁷ The Global Afghan Opiate Trade: A Threat Assessment. Vienna, UNODC, 2011. P. 22, 30; Afghan Narcotraficking: A Joint Threat Assessment. P. 40; *Stepanova E.* Illicit Drugs and Insurgency in Afghanistan // Perspectives on Terrorism. 2012. May. Vol. 6. No. 2. P. 4–18.

⁸ Afghanistan: Opium Survey 2012. P. 68.

⁹ Afghanistan Opium Survey 2011. Vienna: UNODC, 2012. P. 77; Afghanistan: Opium Survey 2012. P. 66.

¹⁰ World Drug Report 2011 / UNODC Report. N.Y.: United Nations, 2011. P. 45.

¹¹ *Whitlock C.* Diverse Sources Fund Insurgency in Afghanistan // The Washington Post. 2009. Sept. 27; *Collins C., Ali A.* Financing the Taliban: Tracing the Dollar Behind the Insurgencies in Afghanistan and Pakistan / New America Foundation Brief. Wash. D.C., 19 April 2010.

¹² По данным на конец 2012 года: 18th Quarterly Report to the United States Congress / Report by Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction (SIGAR). Arlington, VA: SIGAR, 2012. P. 55.

¹³ Ibid.

¹⁴ Afghan Narcotraficking: A Joint Threat Assessment. P. 21.

¹⁵ *Mansfield D., Fishstein P.* Eyes Wide Shut: Counternarcotics in Transition / Afghanistan Research and Evaluation Unit (AREU) Briefing Paper. Kabul: AREU, Sept. 2013. P. 13.

¹⁶ Opiate Flows Through Northern Afghanistan and Central Asia: A Threat Assessment. Vienna: UNODC, 2012. P. 10, 21 ff.

¹⁷ Afghanistan Opium Survey 2012, Summary Findings. Vienna, UNODC, 2012. P. 4.

¹⁸ Opiate Flows Through Northern Afghanistan and Central Asia. P. 34, 37.

¹⁹ World Drug Report 2011. P. 71; The Global Afghan Opiate Trade: A Threat Assessment. P. 44; International Narcotics Control Strategy Report 2013. Vol. 1. P. 277.

²⁰ World Drug Report 2011. P. 72–73.

²¹ International Narcotics Control Strategy Report, Vol. 1. Wash. D.C.: U.S. Department of State Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs, 2012. P. 376.

²² Виктор Иванов, директор ФСКН, цит. по: ИНТЕРФАКС. 23.03.2012.

²³ Патрушев: ущерб от наркотиков в РФ равен расходам на здравоохранение // Novosti Mail.ru. 25.02.2013.

²⁴ Директор ФСКН В.Иванов, цит. по: Russia Criticizes NATO for Afghan Heroin // BBC Russian Service. 27.02.2010; White Death across Russia // Voice of Russia. 22.11.2011.

²⁵ В сентябре 2012-го президент Путин сказал в интервью телеканалу *Russia Today*: «Наркотики кормят Афганистан: 9 проц. ВВП страны складываются из торговли наркотиками. Для того, чтобы 9 проц. заместить, надо заплатить, а платить никто не хочет. А просто говорить о том, что мы сейчас заместим доходы, получаемые от продажи наркотиков, другими доходами, недостаточно. Нужна реальная экономическая политика и финансовая поддержка. К этому, похоже, никто не готов». Официальный сайт Президента России: <http://news.kremlin.ru/transcripts/16393/print>

²⁶ World Drug Report 2013 / UNODC. N.Y.: United Nations, May 2013. P. 33.

²⁷ Единственным исключением является Узбекистан, где изъятие наркотиков возросло, в том числе в силу более жесткого, по сравнению с соседними государствами, пограничного контроля. Opiate Flows Through Northern Afghanistan and Central Asia. P. 46.

²⁸ Islamic Republic of Afghanistan: Detailed Assessment Report on Anti-Money Laundering and Combating the Financing of Terrorism / International Monetary Fund (IMF) Country Report No. 11/317. Wash. D.C., 2011. P. 28; Drug Investigations Lead to Treasury Designation of New Ansari Money Exchange / U.S. Drug Enforcement Administration (DEA) Press-Release. 18.02.2011.

²⁹ *Stepanova E.* Afghanistan After 2014: The Way Forward for Russia / Russie.NEI.Visions. No. 71. Paris: Institut Français des Relations Internationales (Ifri), 2013. P. 14. См. также на рус. яз.: <http://www.ifri.org/downloads/ifristepanovanatoafghanistanrussiama2013.pdf>.